

ПРОБЛЕМЫ ФОЛЬКЛОРА И МИФОЛОГИИ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ
З.М. САЛАГАЕВОЙ

Р.Н. Абисалова

З.М. Салагаева – видный представитель филологической науки XX – начала XXI в. Ее научное наследие многогранно. Зоя Мироновна много десятилетий посвятила преподавательскому труду, пройдя путь от лаборанта до заведующего кафедрой русской литературы, доктора филологических наук. Объектом ее научных исследований стали русская и осетинская литературы, русская литературная критика, фольклор, мифология. Особое место в научной деятельности исследовательницы заняло творчество К.Л. Хетагурова, которому посвящены ее кандидатская диссертация и первая монография – «Коста Хетагуров и осетинское народное творчество». Эта книга стала не только серьезным вкладом в хетагуроведение, но и одним из лучших исследований теории и практики фольклора и мифологии. В монографии, не потерявшей актуальности и в наши дни, на основательной научной базе рассмотрены все аспекты фольклора и мифологии в творчестве К. Хетагурова как в поэзии, так и в прозе, в том числе в публицистике и эпистолярном корпусе. Значительное место отведено теории фольклора и мифологии, их общности и различию, взаимодействию и взаимовлиянию. Особую ценность представляет тот факт, что Салагаева исследует устное народное творчество осетин, начиная со времен древней истории, в том числе со времен Геродота, описавшего фольклор скифов, сарматов, алан. Исследовательница, опираясь на работы В.Ф. Миллера, Ж. Дюмезиля, В.И. Абаева и многих других, подробно описывает все жанры осетинского, кавказского и мирового фольклора, их использование в наследии Хетагурова. Исследовательский талант Салагаевой, скрупулезность, основательность в накоплении научной информации в соединении с любовью к народному творчеству стали причиной того, что ее интерес к нему не угас и в ее последующих научных работах. Связь с фольклором и мифологией присутствует в ее монографиях «От Нузальской надписи к роману», «Четыре этюда об осетинской прозе», множестве статей, в которых прослежен путь от древнего фольклора предков современных осетин до возникновения первых письменных памятников литературы. Исследуя творчество осетинских писателей XIX-XX вв., Салагаева также обращает внимание на место

и роль фольклора в их произведениях. Цель предлагаемой работы – исследование проблем фольклора и мифологии в научном наследии Салагаевой. В ходе работы применены литературоведческие методы анализа ее научного творчества. Научная новизна статьи в том, что в ней впервые в полном объеме исследуется проблема народного творчества в научном наследии З.М. Салагаевой.

Ключевые слова: З.М. Салагаева, фольклор, мифология, К.Л. Хетагуров, Нартовский эпос, жанр, мотив, певицы, сказители.

Для цитирования: Абисалова Р.Н. Проблемы фольклора и мифологии в научном наследии З.М. Салагаевой // Известия СОИГСИ. 2025. Вып. 58 (97). С. 130-142. DOI: 10.46698/VNC.2025.97.58.013

Поступила в редколлегию: 25.10.2025 г.

Фольклор по своей специфике и генезису – самое массовое явление в сфере художественного творчества... Коллективность, массовость и принцип устной передачи отличают народное творчество, давая ему неисчерпаемые возможности быть современным и вечным, высокоэстетичным и этическим, доступным и понятным, быть передатчиком настроений миллионов... Художественное мышление исторически начинается с фольклора...

Академик М.Я. Чиковани

Зоя Мироновна Салагаева занимает значимое место в развитии осетинской гуманитарной мысли XX в. Первое, на что обращают внимание исследователи ее творчества, – его многогранность. В Северо-Осетинском госуниверситете, в котором она трудилась более 60 лет и прошла путь от лаборанта до доктора наук, профессора и заведующего кафедрой русской литературы, она успешно читала лекции по истории русской литературы, истории русской литературной критики, устному народному творчеству, литературе народов СССР. Большим успехом у студентов пользовались ее спецкурсы «Л.Н. Толстой и Кавказ», «Л.Н. Толстой в русской критике», «Л.П. Семенов – литературовед и критик», а также спецсеминары «Пушкин и Кавказ», «Роман Пушкина “Евгений Онегин”», «Роман Л.Н. Толстого “Война и мир”». В течение многих лет З.М. Салагаева входила в редколлегию ряда научных сборников, издававшихся в СОГУ, и зачастую была ответственным редактором этих сборников. Она принимала активное участие в подготовке к изданию собрания сочинений К.Л. Хетагурова и других осетинских писателей. Салагаевой написан ряд работ о творчестве осетинских и русских писателей и ученых, опубликованных в различных научных изданиях. Кроме того, множество статей, посвященных проблемам русской и осетинской литературы и фольклора, увидели свет в периодической печати, что бесспорно свидетельствует о ее успешной просветительской деятельности.

Одно из важных мест в научном наследии Салагаевой занимает осетинское устное народное творчество и осетинская литература, любовь к которым она пронесла через всю свою долгую творческую жизнь. В 1951 г. в Институте русской литературы АН СССР ею с большим успехом была защищена кандидатская диссертация на тему «Коста Хетагуров и осетинское народное творчество», явившаяся симбиозом приверженности исследовательницы к осетинскому фольклору, мифологии и осетинской литературе. Важная роль русской литературы для формирования творчества Коста Хетагурова признавалась и продолжает признаваться всеми исследователями выдающего осетинского поэта и прозаика, в том числе Салагаевой. Однако диссертация, а затем и монография с одноименным названием выявили и подчеркнули особую роль в специфике творческого метода Коста осетинского и мирового фольклора, в том числе Нартовского эпоса. Монография Салагаевой сразу после ее выхода в свет стала библиографической редкостью, она является результатом кропотливого труда ученого по накоплению огромного материала по всем жанрам осетинского и не только осетинского фольклора, а также глубокого понимания всех сторон наследия Коста Хетагурова и его роли в формировании осетинской литературы [1].

Некоторые исследователи творчества К.Л. Хетагурова, в частности А. Малинкин, объясняли тесную связь произведений осетинского поэта с фольклором исключительно вли-

ванием на него русских поэтов – Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Крылова, в творчестве которых значимое место отводилось фольклорным источникам, что натолкнуло Коста на мысль обратиться самому к первоисточникам поэзии – к народному творчеству [1, 26]. Позже Малинкин пересмотрел свои взгляды на фольклорные источники в творчестве Коста в других работах [2]. Салагаева, не отрицая влияния на творчество Коста произведений великих русских поэтов, тем не менее, заявляет – «утверждать, что Коста Хетагуров к осетинскому народному творчеству обратился только потому, что мотивы народных произведений встречаются у русских писателей, значит отрицать органическую связь Коста с осетинским народным творчеством, сводить этот вопрос лишь к фактам внешнего влияния» [1, 26]. Зоя Мироновна утверждает, что Коста вдохновлялся национальным фольклором, ставшим источником обогащения как формы, так и содержания его творчества. В своей книге она пишет: «Поэт брал из неиссякаемого источника устной поэзии сюжеты, образы, мотивы для многих своих произведений и творчески их перерабатывал. Мы не находим у него фактов внешнего заимствования элементов народной словесности или подражания им. Фольклор органически входит в творчество Коста и при этом не только не утрачивает своей остроты, но ...приобретает новую силу» [1, 26-27]. В качестве подтверждения слов Салагаевой можно привести множество стихотворений Хетагурова, но достаточно ограничиться в качестве примера стихотворением «На кладбище» («Уæлмæрдты»), в котором поэтически описан похоронный обряд посвящения коня покойнику. Работая над этим произведением, Коста изучил немало вариантов фольклорного воспроизведения обряда, но не повторил ни одного из них, создав одно из своих лучших стихотворений на осетинском языке [3, 172-193].

Первая монография Зои Мироновны имеет огромную ценность не только потому, что стала весомым вкладом в хетагуроведение, но и ценнейшим исследованием по осетинскому и не только осетинскому фольклору. Автор проводит в ней параллели с мировым, прежде всего с кавказским и русским устным народным творчеством, демонстрируя прекрасное знание всех аспектов жизни и творчества Коста, акцентируя внимание на роли осетинского фольклора в его формировании как гражданина и будущего великого поэта Осетии.

Бесспорно, как художник слова он был воспитан на лучших образцах русской литературы, но корни его таланта уходили в народную почву, питаясь из живительного источника народной поэзии, представленной у осетин всеми жанрами фольклора. «Устное народное творчество было единственной областью, в которой могло проявляться поэтическое дарование осетинского народа, его многовековой опыт, его мудрость, жизнерадостность, юмор, меткость языка» [1, 10-11]. Эту мысль автор подтверждает словами выдающегося осетинского лингвиста, литературоведа, фольклориста В.И. Абаева о роли фольклора в жизни народа еще задолго до возникновения письменности и письменной литературы. Устное народное творчество «заменяет для него все: и литературу, и историю, и школу житейской мудрости. Весь его жизненный опыт, поэтически преображенный народной фантазией, запечатлевается в его песнях, сказаниях и легендах» [4, 10].

Первая монография Салагаевой – не только результат кропотливой работы над творчеством К. Хетагурова, но серьезнейшее исследование всех сторон осетинского устного народного творчества, включая Нартовский эпос. В первой главе монографии «Коста Хетагуров и осетинское народное творчество» автор указывает на раннее погружение будущего поэта в мир фольклора, когда горькие рыдания маленького Коста на могиле рано умершей матери обретали жанровую форму плача. Прекрасным знатоком осетинского народного творчества был его отец Леван Елизбарович, записями которого поэт пользовался при написании этнографического очерка «Особа» [5, 202-263]. Салагаева писала в своей книге: «Почти в каждом осетинском селении были одаренные певцы и сказители, и Коста не пропускал случая послушать их». Она называет их имена – Кониев Хасако, Гуриев Сосланбек, Цгоев Бечирии многие другие. Они не только исполняли песни, аккомпанируя себе на *фæндыр*'е, но и рассказывали старинные предания, сказания и легенды.

Автор указывает на тот факт, что Коста черпал фольклорные произведения не только из непосредственного общения с их носителями. Он «хорошо был знаком и с печатными текстами осетинского фольклора. К тому времени, когда он развернул свою поэтическую

деятельность, уже были сделаны ценные публикации осетинских народных произведений» [1, 20]. Салагаева приводит ряд изданных произведений осетинского устного народного творчества, вышедших в свет начиная с 1868 г. усилиями русских, осетинских, иностранных фольклористов – В.Ф. Миллера, Услара, В.Б. Пфафа, М. Халанского, В. Цораева, Д. Чонкадзе, Дж. и Г. Шанаевых, А. Кайтмазова, А. и И. Кануковых, Б. Гатиева, С. Кокиева и др. Кроме того, в монографии указано, что «Коста Хетагуров и сам был страстным собирателем произведений осетинского фольклора. В его записной книжке собраны сюжеты нартовских сказаний, пословицы, поговорки, народные обороты речи» [6, 350-351]. Она отмечает, что Коста проявлял к фольклору и научный интерес. В своем этнографическом очерке «Особа» для характеристики быта осетинского народа он привлекает большой фольклорный материал: поверия, легенды, похоронные и свадебные обряды, говорит о разнообразии жанров осетинского фольклора, приводит сведения о народных музыкальных инструментах.

Первую монографию З.М. Салагаевой отличает стройная, логически обоснованная композиция – две главы, заключение и приложение. В первой главе выделены шесть разделов, содержащие всестороннее исследование роли фольклора в творчестве К.Л. Хетагурова. Вторая глава, особо ценная благодаря своему новаторскому характеру, посвящена образу Коста в народном творчестве. Заключение содержит лаконичные, но емкие выводы. В приложении представлены народные произведения, близкие по своим мотивам к творчеству Коста Хетагурова. Подбор материала, собранного в приложении к работе, явился подтверждением факта действенного влияния фольклора на формирование творческого метода Коста и в то же время абсолютной оригинальности в воспроизведении сюжетов и мотивов осетинского народного творчества.

В начале первой главы представлен образ народного певца в творчестве Коста, и это вполне оправдано с учетом роли певца, сказителя в фольклоре и в наследии осетинского поэта. В его сборнике «Ирон Фандыр» и русскоязычных стихах более 200 раз встречаются лексемы «песня», «певец» и производные от них, а также термины, относящиеся к музыке, пению и музыкальным инструментам – аккорды, струны, фандыр, лира, свирель, трели, арфа, напевы и т.д. Сам поэт нередко репрезентирует свои стихи как песни, а себя как певца:

...Везде для всех я песнь свою слагаю,
Везде разврат открыто я корю,
И грудью грудь насилия встречаю,
И смело всем о правде говорю...» [7, 69]

или:

Вы жаждете лишь с сладким замираньем
И трепетом внимать мне без конца, –
Бессильны вы пред тяжким испытаньем,
Ничтожны вы для радостей певца!.. [7, 68]

Заветная мечта Коста – сравняться в мастерстве с нартским певцом и музыкантом Ацамазом, собрать вокруг себя все народы и поделиться с ними своими горестями:

Если б запеть мне, как нарту умело,
Если б звучал до небес мой фандыр,
Я бы позвал всю вселенную смело,
Пусть мое горе услышит весь мир.
(Пер. С. Олендер) [3, 64-65].

Салагаева изучала осетинский песенный фольклор не только по учебникам, хрестоматиям и изданным сборникам – она непосредственно участвовала в фольклорных экспедициях, лично записала множество образцов устного народного творчества. Большое значение придавала аутентичности записей, не допуская малейшего отступления от текста носителей народных песен, легенд, преданий, пословиц, поговорок, сказок и т.д. Она

было лично знакома со многими певцами-сказителями, устанавливая с ними доверительные отношения. Салагаева так писала о роли носителей фольклора: «Народные певцы и сказители из поколения в поколение передавали старинные песни и сказания, а наиболее талантливые из них творили новые произведения, содержанием которых было не только историческое прошлое, но и современность» [1, 29].

Певцы-сказители были авторитетны в обществе, нередко они приглашались на нихас. В книге Зои Мироновны приводится описание нихаса, данное писателем, поэтом и журналистом Иналом Кануковым: «Это место общественного собрания. Сюда в нерабочую пору собираются все аульные жители и часто решают частные и общественные дела... Иной раз среди собравшейся толпы... раздаётся монотонный звук двухструнной скрипки, которая у нас, осетин, называется кабаньей головой... Под монотонный звук кабаньей головы какой-нибудь старец напевает песнь про Баби или Чермена, или же рассказывает легенду про Батраза, сына Хамица, который вел упорную борьбу даже с небом...» [8, 23]. На нихасе певцы и сказители знакомятся с жизнью народа, узнают новости. Здесь же осуществлялось коллективное создание песен. В подтверждение этого интересного явления приводятся слова известного фольклориста, этнографа С. Кокиева. О распространенных среди народных певцов-сказителей соревнованиях в лучшем создании и исполнении произведений народного творчества писал выдающийся осетинский художник, фольклорист, нартолог М.С. Туганов: «В старину на народные празднества стекались лучшие силы со всех концов Осетии, устраивалась настоящая... олимпиада. Лучшие сказители, представители разных ущелий... состязались в содержательных, лучших напевах и пересказах нартских сказаний... Певец-сказитель должен был обладать не только прекрасным даром речи, но и хорошими способностями к пению и к игре на музыкальном инструменте...» [1, 31]. В монографии Салагаевой дается описание осетинских народных музыкальных инструментов. В ней также представлены фотографии известных певцов-сказителей с различными музыкальными инструментами – Г. Сланова, Р. Дзудева, И. Богова, Б. Хадикова и др., а также иллюстрации А. Джанаева к стихотворению Коста Хетагурова «На кладбище». Кроме того, в первом разделе главы помещен титульный лист рукописного сборника стихотворений Коста с изображением слепого старца с самодельной скрипкой. Этот рисунок в народе соотносится с героем стихотворения К. Хетагурова «Кубады», которое Салагаева не без основания называет одним из лучших стихотворений Коста, описывающих «печальную участь народного певца» [1, 32]. Автор анализирует стихотворение «Кубады», где перед взором читателя предстает полная невзгод и тягот жизнь нищего сироты, которого природа, к счастью, наградила талантом сказителя, певца и музыканта, что дало ему не только пропитание, но и народную любовь, и уважение:

Конца чудесным
Сказаньям, песням
Не знал Кубады.
Ему внимая,
Смеясь, рыдая,
Все были рады...

(Пер. П. Панченко) [3, 134-135].

Мотив певца и создание песни народным певцом-пастухом содержится и в поэме «Фатима». Окружающая природа, горы, леса, реки, озера настраивают его на творческий лад. К певцам и сказителям приравниваются и посвятители коня покойнику в рамках похоронного обряда. К. Хетагуров был лично знаком с народными певцами-сказителями, с восхищением писал о них не только в художественных произведениях, но и в публицистике.

Второй раздел первой главы монографии Салагаевой посвящен Нартовскому эпосу. Автор обращает внимание на обилие сюжетов и ярко очерченных образов. Она дает краткую, но меткую характеристику главных персонажей Нартиады – мудрого старейшины Урузмага, гостеприимной волшебницы Сатаны, сильного и смелого Сослана, булатногрудого Батраза, коварного хитреца Сырдона и других. Также отмечает, что наряду с восхвалением подвигов и мужества нартов осуждаются и их пороки. Автор описывает

их основные занятия, присущие и осетинам: охота, земледелие, скотоводство, но прежде всего сражения с врагами, где проявлялись их отвага, любовь к родине и свободолюбие. Таланты нартов разнообразны – многие из них играют на музыкальных инструментах, поют и пляшут. Именно в многообразии занятий и способностей нартов заложены черты будущих литературных героев. «Нартские сказания обладают высокими художественными достоинствами. Они... богаты сюжетами, образами, в языке много эпитетов, сравнений, гипербола» [1, 45]. Зоя Мироновна указывает на значимость Нартиады для Коста Хетагурова, он записывал ее сюжеты, понимая их важность в жизни осетин. Об этом он писал и в очерке «Особа», и в статьях, и в записной книжке. Нартовские мотивы, образы, реминисценции, аллюзии встречаются во многих произведениях Коста – стихотворениях «Пастух», «Пастух-батрак», «Кто ты?», в черновых вариантах поэмы «Хетаг», в поэме «Плачущая скала», письмах, статьях. «Коста Хетагуров особенно высоко ценил героические мотивы нартовского эпоса», – пишет Салагаева [1, 49].

Раздел о Нартовском эпосе в первой монографии Зои Мироновны наиболее лапидарный, однако подробно этот выдающийся памятник народного творчества исследуется в ее других работах. Так, статья «О мифологических мотивах в осетинском Нартовском эпосе» посвящена сложной и до сих пор актуальной проблеме нартоведения – проблеме специфики мифа и фольклора, их общности и различия, взаимопроникновения и трансформации. Верной представляется установка на восхождение осетинской мифологии и народно-поэтической традиции к скифо-сарматскому и аланскому периодам истории осетин. Поэтому особую ценность для изучения «приобретают свидетельства древних писателей и историков, в частности, Геродота, о верованиях, обычаях, мифах и легендах скифов, сарматов и алан, нашедших отражение в Нартовском эпосе» [9, 155-185]. В статье автор обращается к работам русских, осетинских и зарубежных исследователей указанной проблемы – В.Ф. Миллера, Ж. Дюмезиля, В.И. Абаева, Т.А. Гуриева и др. Уже в ранних работах Миллера (статья-дневник «В горах Осетии», первая часть «Осетинских этюдов») представлены мифологические образы Нартовского эпоса, соотносимые с христианскими святыми. В первой части «Осетинских этюдов» помещены 11 текстов нартовских сказаний на осетинском и русском языках, в комментариях к которым описаны эпические образы: Курдалагон, Уацилла, Уастырджи, Колесо Балсага и др. [10]. Позже он расширил комментарии к осетинскому эпосу во второй части (1882).

Всеволод Федорович в своих работах по нартологии опирался не только на собственные исследования, но и на статью Б. Гатиева «Суеверия и предрассудки у осетин», а также сведения С. Кокиева и С. Тукчаева. Высоко ценя заслуги В.Ф. Миллера в изучении и популяризации Нартовского эпоса, Салагаева писала: «В. Миллер в своих трудах поставил много таких вопросов о мифологических образах в нартовском эпосе, на которые в то время наука не могла еще ответить. Но одно то, что он их поставил, имело огромное значение для дальнейшего изучения нартовского эпоса» [9, 157]. Миллер исследовал этимологию многих имен мифологических нартовских героев, но это удавалось не всегда. Позже на многие вопросы по определению происхождения имен ответил В.И. Абаев (например, объяснил этимологию имен Фалвара, Сафа и других, дал блестящий этимологический анализ имени мифического водного существа Донбеттыра – «водного Петра» [9, 157].

Фундаментальные знания Салагаевой в области фольклора, накопленные в процессе работы над кандидатской диссертацией и первой монографией, любовь к народному творчеству нашли отражение в статье «Мифология и фольклор», которая в некоторой степени соотносится со статьей «О мифологических мотивах в осетинском Нартовском эпосе», но имеет не столько прикладной, сколько теоретический характер [11, 94-110]. В статье представлен ряд работ известных исследователей фольклора, мифологии, древних литератур – М.И. Стеблин-Каменского, В.М. Жирмунского, В.Я. Проппа, Е.М. Мелетинского, А.Ф. Лосева, В.И. Абаева, Ж. Дюмезиля и др. Большинство этих ученых, давая определение мифам и фольклору, высказывали мысль о том, что литература генетически связана с мифологией через фольклор: сказку, эпос, песни и обрядовую поэзию. Они показывают процесс перехода мифа в фольклор, чаще всего в сказку. Зоя Мироновна пишет о том, что «взаимопроникновение характерно и для осетинской мифологии и фольклора» [11, 96]. В этом отношении весьма ценны рассказы Геродота о скифских богах, которые

соотносятся с осетинским фольклором, в том числе с героями Нартиады. Опираясь на работы Абаева, Дюмезиля, Зоя Мироновна анализирует ряд скифских сюжетов Геродота, имеющих прямые соответствия с осетинским фольклором, мифологией, Нартовским эпосом. Выявление этих соответствий позволяет не только подтвердить генетическую связь осетин со скифами, сарматами, аланами, но и через трансформацию мифа в сказку, легенду, эпос, обрядовую поэзию, народную драму, ораторскую прозу свидетельствует об устойчивой поэтической традиции, «которая воздействовала на генезис литературных явлений (сюжетов, мотивов, изобразительных средств), на формирование осетинского литературного процесса» [11, 110]. Этой теме посвящена книга Салагаевой «От Нузальской надписи к роману», ставшая результатом ее работы над докторской диссертацией [12].

В первой главе также исследуются народные истоки исторических поэм Коста Хетагурова. Свои исторические поэмы Коста создавал, опираясь на народные сказания и легенды. Это прежде всего поэма «Хетаг», к анализу которой Зоя Мироновна обращалась не раз. Поэма не была закончена, однако исследовательница, тщательно изучив несколько ее вариантов и черновиков в Научном архиве СОИГСИ, заявляет, «что по глубине замысла, по художественным качествам она является одним из выдающихся произведений Коста Хетагурова» [1, 51]. Хетагуров, считая легенду о Хетаге частью истории собственной фамилии, работал над ней с особым тщанием. Однако Салагаева пишет, что «легенды о Хетаге не узко фамильные предания... В них, несмотря на фантастичность... образно воссозданы многие стороны реальной действительности» [1, 59]. Коста изучил множество вариантов легенды, но дословно не повторил ни одной, о чем свидетельствуют черновые записи. Знатор не только осетинского, но и кавказского фольклора, Зоя Мироновна приводит и кабардинский вариант легенды о Хетаге. Автор книги уделил значительное внимание хронологии событий, изображенных в легенде, придя к выводу, что в ней отразились исторические события XIII–XIV вв., т.е. эпохи борьбы народов Кавказа с татаро-монголами. В анализе поэмы «Хетаг» затронута тема дружбы народов, веротерпимости, героизма осетинского и других кавказских народов. Ввиду отсутствия доступных Коста научно разработанных письменных документов по истории Кавказа и Осетии, автор «Хетага» опирался на народное творчество. Легенды о Хетаге упоминались в работах А. Шёгрена, Н. Берзенова, Дж. Шанаева, В. Пфафа и др. Наиболее интересные из них Салагаева анализирует подробно. Также в монографии описан мотив священной рощи, рассмотренный Салагаевой как исключительно фольклорный, наряду с любовным мотивом, мотивом песен и танцев не лишенный черт романтизма. Опираясь на работы Г.Ф. Чурсина, Е.Г. Вейденбаума, автор объясняет причину распространения в народном творчестве мотива почитания священных рощ, лесов, гор и т.д.

О поэме «Хетаг» Салагаева пишет и в отдельной статье в «Ученых записках СОГПИ», посвященных 100-летию со дня рождения Коста Хетагурова [13, 87–95]. В ней автор подчеркивает весомую роль черновых вариантов поэмы для оценки значимости замысла и его вероятного воплощения, если бы не тяжелая болезнь и смерть поэта. Несколько черновых вариантов поэмы хранятся в Научном архиве СОИГСИ [14].

Заканчивая анализ поэмы «Хетаг», исследовательница подробно описывает влияние фольклора на изобразительные средства произведения. При этом она подчеркивает, что «Коста не слепо следовал композиции и сюжету народных произведений. По сравнению с народными источниками, Коста в поэму “Хетаг” вводит новые ситуации, новых действующих лиц, бытовые картины (свадебные обряды, народные танцы, пиршества, песни и т.д.). Эти новые мотивы он дает в стиле народных произведений» [13, 93].

В монографии также подробно анализируется еще одна поэма Хетагурова, созданная на основе народных произведений, изображающих исторические события и героические характеры, – «Плачущая скала». В книге отражена дискуссия литературоведов о времени действия поэмы [1, 68–69]. У Коста нет точной хронологии описываемых событий по традиции народных произведений, где не указывается год события, «но дается народная точка зрения на это событие, дух, колорит эпохи» [1, 68–69]. Подзаголовок поэмы указывает на связь ее с народной поэзией («Осетинская легенда»). Главной темой поэмы становится борьба осетинского народа за свободу. Кроме того, в ней отражены различные

мотивы и сюжеты, характерные для фольклорных произведений – строительства башни, человеческой жертвы, осуждения жестокости и мракобесия и др. Строительство боевых башен было обычным явлением у осетин и других кавказских народов, этого требовала суровая жизнь горцев. Мотив строительства башни издавна привлекал внимание собирателей фольклора. В кавказских газетах («Северный Кавказ», «Новое обозрение», «Терские ведомости») появилось немало публикаций на эту тему [1, 73].

Салагаева отмечает, что Коста, изучив множество вариантов легенд о строительстве боевой башни, не повторяет ни одной, а дает собственную трактовку мотива. У него народ выступает как протестующая сила, осуждающая жестокость принесения в жертву человека и особенно ребенка. Заканчивая анализ исторических поэм «Хетаг» и «Плачущая скала», исследовательница утверждает, что «широкое привлечение фольклора для их написания говорит о том, что Коста Хетагуров видел в народном творчестве ненаписанную историю народа. И в этом отношении он был близок к лучшим представителям русской литературы Пушкину, Лермонтову, Гоголю, Некрасову, Островскому, которые использовали фольклор как сокровищницу исторических фактов, народной мудрости, образности языка» [1, 75].

Особое внимание в монографии уделено жанрам осетинских народных песен, обрядовой поэзии и сказок в творчестве Коста Хетагурова. Эти жанры фольклора были особо любимы осетинским поэтом, они широко представлены в его творчестве. В связи с образом народного певца в наследии Коста автор вновь возвращается к мотивам осетинских народных песен, обрядовой поэзии и сказкам в четвертом разделе первой главы монографии. Она обращается к программному стихотворению поэта «Ныстуан» («Завещание»), открывающему его сборник «Ирон фандыр», где он называет свои стихи песнями, наполненными печалью, вызванной страданиями народа:

Прости, если отзвук рыдания
Услышишь ты в песне моей:
Чье сердце не знает страдания,
Тот пусть и поет веселей.

(Пер. П. Панченко) [1, 63].

В книге рассмотрен ряд поэтических произведений Хетагурова, соотносящихся с народными песнями, так как «поэт знал, какую большую роль играла песня в жизни народа, сопровождала осетина во всех его радостях и горестях, вселяла в него веру в лучшую долю, она как бы облегчала его труд» [1, 78]. Это стихотворения «Надежда» («Ныфс»), «Спой» («Азар»), «Кубады», «Кто ты?» («Чи дæ?»), поэмы «Фатима», «Перед судом» и др. Автор дает жанровую и мотивную классификации осетинских народных песен в творчестве Коста – это и новогодние песни, основанные на народных новогодних обрядах, колыбельные («А-лол-лай»), охотничьи («Фсати»), солдатские («Солдат»), похоронные (причитания, плачи – «Мать сирот», «Без доли») и др. Кроме того, значительное внимание уделено осетинскому похоронному обряду и устным произведениям, отразившим эти обряды в этнографическом очерке «Особа» [5, 202]. Похоронному обряду посвящено и стихотворение «На кладбище» [3, 173]. В нем содержится поэтическое описание нескольких фольклорных мотивов – поисков коня для посвящения покойнику, самого посвящения, путешествия усопшего в загробном мире.

Салагаева называет это стихотворение одним из лучших произведений поэта, оно отличается «богатством содержания и художественным совершенством» [1, 96]. В монографии также анализируются сказочные мотивы в творчестве Коста. О сказках Коста писал в очерке «Особа»: «Сказки составляют достояние обоих полов и всех возрастов. Они многочисленны, разнообразны и художественны: они всегда служили одним из приятных времяпрепровождений» [1, 235]. Салагаева выделяет у Коста фантастические, бытовые, сатирические, исторические сказки, сказки о животных и дает им подробную характеристику. В его произведениях, включающих сказочные мотивы, восхваляется борьба человека с враждебными силами, в них победа достается беднякам, они оптимистичны. Описывая отношение Коста к сказочному фольклору, Зоя Мироновна сожалеет о том, что осетинские фольклористы мало занимаются научной разработкой проблемы осетинской

сказки, кроме А.Х. Бязырова, защитившего по ней кандидатскую диссертацию. Отметим, что в 1999 г. Д.В. Сокаева в СПбГУ защитила кандидатскую диссертацию на тему «Сравнительно-историческое изучение русской и осетинской волшебной сказки (сюжет 313 АТ СУС)» [15]. Автор книги на примере стихотворения «Пастух-батрак» («Лæскдзæрæн») блестяще демонстрирует мастерство поэта в поэтической обработке элементов Нартовского эпоса и народной сказки.

Сказочные сюжеты и образы были использованы и при создании некоторых басен. Народная основа басен также становится объектом исследования Салагаевой. Она указывает на то, что Коста Хетагуров первым ввел жанр басни в осетинскую литературу. Его басни носят сатирический характер, они «указывают на человеческие пороки, заключают в себе правила житейской мудрости. Они лаконичны, остроумны, полны юмора» [1, 112]. Их сатиричность закономерна, что подтверждается словами В.Г. Белинского: «сатира есть поэзия басни», «сатира и ирония – вот ее главные качества» [16, 462]. Воспользовавшись записями собирателей народных сказок Б. Канукова, Дж. Шанаева, Н. Кесаева, А. Кайтмазова и др., исследовательница дает компетентный анализ басен Коста, построенных на сюжетах народных сказок о животных. Это такие басни, как «Лиса и барсук», «Олень и еж», «Упрек», «Постник» и др. В работе также обращается внимание на тот факт, что в основе многих басен Хетагурова лежат известные осетинские народные пословицы и поговорки. Иногда лишь одна пословица или поговорка у Коста трансформировалась в целую басню («Упрек», «Постник», «Привычка», «Безумный пастух» и др.). Осетинские пословицы и поговорки – концентрация многовекового опыта трудового народа, в них дана высокая оценка труду, разумной человеческой деятельности, констатация тяжелой жизни бедняков, осуждение угнетения простых людей со стороны богатеев. Пословицы и поговорки призывают к борьбе за свободу, к дружбе народов, осуждают человеческие пороки: ложь, зависть, лень и др. Салагаева, высоко оценивая пословицы и поговорки, собранные Коста Хетагуровым, в приложении к монографии помещает их список.

Оценивая роль первой монографии З.М. Салагаевой в исследовании проблемы осетинского народного творчества в наследии К.Л. Хетагурова, нельзя не отметить новаторский характер второй главы книги – «Коста в народном творчестве». В ней собраны и оценены народные произведения – песни на стихи Коста, афоризмы, пословицы, поговорки в его обработке, бытующие в разговорной речи осетин. Народными песнями стали многие его стихи – «Горе», «Солдат», «Фсати», «Мать сирот», «Надежда», «Кубады» и др. Осетинский драматург Д. Туаев в статье «Певец народных дум» писал: «Стихотворения Коста прочно вошли в жизнь осетинского народа... на новогодних осетинских пирушках в Алагирском ущелье, в дымных саклях, под сугробами снега, самыми любимыми песнями были песни Коста Хетагурова. Их пела молодежь. Без устали готовы были их слушать и старики» [17, 212-214]. Салагаева пишет о судьбе стихов поэта: «Некоторые стихотворения, написанные на фольклорной основе, даже вытеснили из памяти народа его собственные произведения на ту же тему» [1, 141]. Так, например, случилось со стихотворением «Фсати». Об этом писали ученый-кавказовед А. Дирр, этнограф Г.Ф. Чурсин. В монографии особый интерес представляют сведения о том, как сам Коста Хетагуров после кончины стал героем осетинского фольклора. О нем складывались песни, устные рассказы, легенды. Зоя Мироновна отмечает, что хотя не все песни и легенды сохранились до наших дней, но и сохранившиеся свидетельствуют об огромной любви народа к своему поэту. Интересен рассказ о коллективном создании песни о Коста народного певца Тебо Ногаева вместе с Кайтыко Цараховым из Тменикау, Бига Токаевым из Даргавса, Иласом Дигуровым из Какадура. Осенью 1900 г. они побывали в различных осетинских селах, где их радушно встречали и вносили свою лепту в создание песни о Коста. Народ желал любимому поэту долгих лет жизни, прославлял силу его творчества, благодарил за неутомимую борьбу за интересы народа. Некоторые народные песни о нем были обработаны профессиональными композиторами (В. Долидзе, А. Тотиевым). О любимом Коста было также сложено немало легенд, в которых он был представлен как защитник бедняков, помощник в делах, борец против насилия, радетель просвещения простых людей и даже ходатай народа перед царем.

З.М. Салагаева исследовала осетинский фольклор на протяжении всей своей научной деятельности. В 1984 г. вышла в свет книга исследовательницы «От Нузальской надписи к роману» [12], отразившая многогранность ее творческих интересов и подтвердившая преданность фольклору и мифологии. Цель автора – проследить генезис и развитие осетинского литературного процесса от начала XVIII и до второй половины XIX в. Эта цель блестяще достигнута благодаря присущей исследовательнице широте и глубине познаний во всех областях филологии – от фольклора и мифологии до современной осетинской, русской и мировой литературы. Ею освоено значительный корпус научной литературы, составивший убедительный фундамент всех работ Зои Мироновны. Монография автора включает 6 глав, в которых последовательно исследуется дописьменная осетинская словесность, достигшая того уровня, который позволил считать ее переходной от фольклора к первым письменным памятникам. Во введении автор утверждает, что «основой возникновения литературы было устное творчество. Идейное и эстетическое богатство народного творчества, его поэтика и язык, фольклорные, особенно эпические, традиции – все это сыграло решающую роль в становлении и развитии осетинской литературы [12, 3]. В связи с заявленной темой статьи необходимо остановиться на первых двух главах книги – «У истоков осетинской прозы» и «Нузальская надпись» – именно в них содержится материал, связанный с фольклором. 1-я глава открывается разделом «Мифология и фольклор», в которой на обширной научной базе даются определения фольклора и мифологии, выясняются закономерности их развития, в том числе синкретизм, сформулированный в «Исторической поэтике» А.Н. Веселовского [18, 377]. Опираясь на работы В.М. Жирмунского, Е.М. Мелетинского, В.Я. Проппа, С.С. Аверинцева и др., Зоя Мироновна выявляет генетическую связь литературы с мифологией через фольклор: сказку, эпос, песни, обрядовую поэзию. Автор прослеживает осетинскую мифологическую и поэтическую традиции, восходящие к скифо-сарматскому и аланскому периоду. Эти традиции рассмотрены в работах В.Ф. Миллера, Ж. Дюмезиля, В.И. Абаева. В разделе «Народная проза» выявлены особенности жанра сказки и описаны различные типы сказок – волшебные, сказки о животных, кумулятивные, бытовые, авантюрные. Отдельно рассмотрены жанры несказочной прозы – предания (в том числе исторические), сказания, легенды, бывальщины и др. В этой же главе говорится о Нартовском и Даредзановском эпосах. Поскольку осетинскому фольклору, мифологии, эпосу в научном наследии Салагаевой уделено значительное внимание при анализе ее книги «Коста Хетегуров и осетинское народное творчество» и нескольких статей на эту тему, обратимся к теме фольклора в связи с Нузальской надписью. Эта надпись сыграла особую роль в возникновении осетинской художественной литературы и составляет важную часть монографии Салагаевой, ставшей основой ее докторской диссертации. Нузальская надпись была опубликована в Париже в 1830 г. французским востоковедом М. Броссе на грузинском и русском языках, а позже переведена на русский и осетинский языки. Это был текст под названием «Стихи, написанные на Нузальской церкви в краю Нара» [12, 104]. Он достаточно быстро привлек внимание историков, этнографов, археологов, фольклористов, вызвав массу споров и толкований. В тексте под названием «Нас было девять братьев» повествуется о представителях известного осетинского рода, чьи имена стали впоследствии осетинскими фамилиями. Братьям принадлежали башня и таможня в Касарском ущелье. Повествование ведется от первого лица, предположительно от лица Ос-Багатара, который «покорил четыре царства и похитил сестру принца Картли» [12, 105]. Салагаева исследует проблему Нузальской надписи на большом научном материале, включающем работы В.Б. Пфафа, В.С. Толстого, В.В. Марковина, Е.Г. Пчелиной, З.Н. Ванеева, Ю.С. Гаглойти и мн. др. Указывая на сложное переплетение проблем вокруг фресок и надписей Нузальской часовни, автор книги ограничивается лишь некоторыми: подлинность надписи, ее историзм, фольклорные и письменные источники, Нузальская надпись как художественное произведение, споры вокруг ее автора и времени создания. Мы же коротко остановимся на проблеме «Нузальская надпись и фольклор». Автор констатирует тот факт, что «связи Нузальской надписи с фольклором – осетинским и грузинским – многогранны. В ней отразилась народная точка зрения на исторические события и личности», которую В.П. Адрианова-Перетц называет «внутренним родством литературы и фольклора» [12, 126-127]. Также ощутимо влияние на нее фольклорной поэтики. Зоя Мироновна пишет: «Почти каждый мотив, каждый компо-

нент ее сюжета находит подтверждение в фольклоре, однако ни в осетинском, ни в грузинском народном творчестве...нет такого текста, который бы полностью совпадал с Нузальской надписью» [12, 127]. Это характерно не для фольклора, а для письменного памятника. Салагаева приводит целый ряд народных произведений, отразивших тему Нузальской надписи и ее героев. Это прежде всего народная песня – самое близкое по содержанию к «Нузальской надписи» фольклорное произведение, опубликованное этнографом Н.Г. Берзеновым в 1855 г. [12, 127-128]. Автор убедительно констатирует различия между фольклорной песней и «Нузальской надписью». В песне – лирическая стихия, на первом плане в ней певец, обращенный в прошлое, он воспеваеет свой родной Олладжир (Алагир), в ней усиление романтической линии через описание любви Ос-Багатара к Гурдзы-хан. Главное расхождение двух памятников в их идейной направленности: надпись полна романтики подвига, храбрости и удалства ее героев, а в народной песне – тоска о прошлом Олладжире. В книге З. Салагаевой приведен целый ряд исторических легенд и преданий об Ос-Багатаре – большая группа их связана с происхождением от Ос-Багатара знатных фамилий, известна легенда о строительстве Ос-Багатаром крепости в Нузале для защиты Касарского ущелья, о похищении им дочери грузинского царя, о смерти отца Ос-Багатара Царазона. Интересны легенды о предательстве Ос-Багатара грузинским царем Вахтангом-Гургасланом (Горгасалом). Салагаева приводит и грузинские легенды и предания с теми же мотивами. В «Нузальской надписи» автор отмечает и черты причитаний (*хъарæг*) о герое и его братьях. Салагаева в результате тщательного анализа работ о «Нузальской надписи» и фольклорных произведений на аналогичную тему приходит к выводу о том, что «надпись» – письменный памятник, а, по словам Н.И. Конрада, «всякий письменный памятник, каким бы ни были его содержание и форма, есть литературное произведение. Если... брать его в исконном смысле – как обозначение произведений, в которых в материале языка в его письменном выражении воплощен определенный замысел и воплощен именно так, как того требует замысел» [12, 134]. Автор монографии полагает, что «Нузальская надпись» – произведение переходной ступени от фольклора к литературе, соединившее в себе элементы устных и письменных памятников словесности. Проанализировав его жанровые особенности, она утверждает, что в нем есть признаки плача (причитания) и в то же время оно пронизано идеей восхваления героического прошлого осетинского народа, что вкупе с другими чертами поэтики наиболее соответствует жанру «слова».

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что научное наследие З.М. Салагаевой отличается многогранностью, тем не менее, интерес к фольклору занимает особое место в ее творчестве. Исследования Зои Мироновны, как по фольклору и мифологии, так и по литературе, основаны на обширном научном материале. В ее работах, начиная с первой монографии, прослеживается особое внимание как к теории фольклора, мифологии и литературы, разработанной известными русскими, осетинскими и зарубежными фольклористами, мифологами, литературоведами, так и к непосредственному сбору, систематизации и публикации произведений устного народного творчества. Результатом этой колоссальной работы З.М. Салагаевой стало издание 2-х томного собрания произведений осетинского народного творчества, явившееся научным подвигом исследовательницы, педагога и просветителя [19]. Она востребована в наши дни, не теряет актуальности и в будущем не только для научных работников, но и для всех ценителей истории, фольклора, мифологии, литературы осетинского народа.

1. Салагаева З. Коста Хетагуров и осетинское народное творчество. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1959. 187 с.

2. Малинкин А. Коста Хетагуров (жизнь и деятельность). Орджоникидзе: Госиздат СО АССР, 1939. 51 с.

3. Хетагуров К.Л. Собрание сочинений в 3-х томах. М.: АН СССР, 1951. Т. 1. 233 с.

4. Абаев В.А. Нартовский эпос // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. 1945. Т. 10. Вып. 1. С. 7-118.

5. Хетагуров К.Л. Собрание сочинений в 3-х т. М.: АН СССР, 1951. Т. 3. 556 с.

6. Хетагуров К.Л. Полное собрание сочинений в пяти томах. Владикавказ: СОИГСИ, 2001. Т. 5. 717 с.
7. Хетагуров К.Л. Полное собрание сочинений в пяти томах. Владикавказ: СОИГСИ, 1999. Т. 2. 402 с.
8. Кануков И. В осетинском ауле. Орджоникидзе: Ир, 1985. 475 с.
9. Салагаева З.М. О мифологических мотивах в осетинском Нартовском эпосе // Проблемы осетинского Нартовского эпоса: Сб. статей. Владикавказ: СОИГСИ, 2000. С. 155-185.
10. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Владикавказ: СОИГСИ, 1992. 716 с.
11. Салагаева З.М. Мифология и фольклор // Поэтика жанра: Межвузовский сборник статей. Орджоникидзе, 1980. С. 94-11.
12. Салагаева З.М. От Нузальской надписи к роману. Орджоникидзе: Ир, 1984. 312 с.
13. Салагаева З.М. Поэма Коста Хетагурова «Хетаг» // Ученые записки СОГПИ. 1959. Т. XXIV. С. 87-95.
14. Хетагуров К.Л. Черновые варианты поэмы «Хетаг» // Научный архив СОИГСИ. Ф. К.Хетагурова. Оп. 1. Папка 1. Д. 6.
15. Сокаева Д.В. Сравнительно-историческое изучение русской и осетинской волшебной сказки (сюжет 313 АТ СУС): Дис. ... канд. фил. н. СПб., 1999. 171 с.
16. Белинский В.Г. Статьи и рецензии. 1846-1848 // Полное собрание сочинений. В 13 т. М.: АН СССР, 1956. Т. 10. 474 с.
17. Туаев Д. Певец народных дум // Коста Хетагуров: Сборник памяти великого осетинского поэта. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1941. С. 212-213.
18. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л.: Гослитиздат, 1940. 646 с.
19. Ирон адæмон сфæлдыстад. Дыууæ томы / Сарæзта йæ Салæгаты З. Дзæуджыхъæу: Ир, 2007. Фыццаг том. 719 ф.; Дыккаг том. 655 ф. (на осет. яз.)

Abisalova, Raisa N. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); raisa-abisalova@yandex.ru

ISSUES OF FOLKLORE AND MYTHOLOGY IN Z.M. SALAGAEVA'S SCIENTIFIC HERITAGE.

Keywords: Z.M. Salagaeva, folklore, mythology, K.L. Khetagurov, Nart epic, genre, motif, singers, storytellers.

Z.M. Salagaeva is a prominent figure in philological scholarship of the 20th and early 21st centuries. Her scholarly legacy is multifaceted. Zoya Mironovna dedicated many decades to teaching, rising from a lab assistant to the head of the Russian Literature Department and a Doctor of Philology. Her research focused on Russian and Ossetian literature, Russian literary criticism, folklore, and mythology. The work of K.L. Khetagurov, to whom she dedicated her PhD dissertation and first monograph, "Kosta Khetagurov and Ossetian Folk Art", occupied a special place in her scholarly work. This book was not only a significant contribution to Khetagurov studies but also one of the best studies of the theory and practice of folklore and mythology. This monograph, still relevant today, provides a thorough scholarly examination of all aspects of folklore and mythology in K. Khetagurov's work, both in poetry and prose, including journalism and epistolary writing. A significant focus is on the theory of folklore and mythology, their similarities and differences, interactions and mutual influences. Of particular value is Salagaeva's exploration of Ossetian oral folklore, beginning with ancient history, including Herodotus, who described the folklore of the Scythians, Sarmatians, and Alans. Drawing on the works of V.F. Miller, J. Dumézil, V.I. Abaev, and many others, the researcher provides a detailed description of all genres of Ossetian, Caucasian, and world folklore, as well as their use in Khetagurov's legacy. Salagaeva's research talent, meticulousness, and thoroughness in accumulating scientific information, coupled with her love for folklore, ensured that her interest in it continued in her subsequent scholarly works. The connection with folklore and mythology is present in her monographs, "From the Nuzal Inscription to the Novel", "Four Essays on Ossetian Prose", and numerous articles tracing the path from the ancient folklore of the ancestors of modern Ossetians to the emergence of the first written literary monuments. Examining the work of Ossetian writers of the 19th and 20th centuries, Salagaeva also draws attention to the place and role of folklore in their works. The purpose of this paper is to examine the issues of folklore and

mythology in Salagaeva's scholarly legacy. Literary criticism methods were applied to analyze her scholarly work. The scientific novelty of this article lies in its first comprehensive examination of the issue of folklore in the scientific heritage of Z.M. Salagaeva.

For citation: Abisalova, R.N. Issues of folklore and mythology in Z.M. Salagaeva's scientific heritage // *Izvestiya SOIGSI*. 2025. Iss. 58 (97). Pp.130-142.. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2025.97.58.013

References

1. Salagaeva, Z. *Kosta Khetagurov i osetinskoe narodnoe tvorchestvo* [Kosta Khetagurov and Ossetian folk art]. Ordzhonikidze, Sev.-Oset. kn. izd-vo, 1959. 187 p.
2. Malinkin, A. *Kosta Khetagurov (zhizn' i deyatelnost')* [Kosta Khetagurov (life and work)]. Ordzhonikidze, Gosizdat SO ASSR, 1939. 51 p.
3. Khetagurov, K.L. *Sobranie sochinenii v 3-kh tomakh* [Collected works in 3 vols]. Moscow, USSR Academy of sciences, 1951, vol. 1. 233 p.
4. Abaev, V.A. *Nartovskii epos* [Nart epic]. *Izvestiya Severo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta* [Proceedings of the North Ossetian Research Institute]. 1945, vol. 10, iss. 1, pp. 7-118.
5. Khetagurov, K.L. *Sobranie sochinenii v 3-kh tomakh* [Collected works in 3 vols]. Moscow, USSR Academy of sciences, 1951, vol. 3. 556 p.
6. Khetagurov, K.L. *Polnoe sobranie sochinenii v pyati tomakh* [Complete works in five vols]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2001, vol. 5. 717 p.
7. Khetagurov, K.L. *Polnoe sobranie sochinenii v pyati tomakh* [Complete works in five vols]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 1999, vol. 2. 402 p.
8. Kanukov, I. *V osetinskom aule* [In the Ossetian village]. Ordzhonikidze, Ir, 1985. 475 p.
9. Salagaeva, Z.M. *O mifologicheskikh motivakh v osetinskom Nartovskom epose* [On mythological motifs in the Ossetian Nart epic]. *Problemy Nartovskogo eposa: Sbornik nauchnykh statei* [Problems of the Ossetian Nart epic: Collection of articles]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2000, pp. 155-185.
10. Miller, V.F. *Osetinskie etyudy* [Ossetian Etudes]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 1992. 716 p.
11. Salagaeva, Z.M. *Mifologiya i fol'klor* [Mythology and folklore]. *Poetika zhanra: Mezhdvuzovskii sbornik statei* [Poetics of the genre: Interuniversity collection of articles]. Ordzhonikidze, 1980, pp. 94-11.
12. Salagaeva, Z.M. *Ot Nuzal'skoi nadpisi k romanu* [From the Nuzal inscription to the novel]. Ordzhonikidze, Ir, 1984. 312 p.
13. Salagaeva, Z.M. *Poema Kosta Khetagurova "Khetag"* [Kosta Khetagurov's Poem "Khetag"]. *Uchenye zapiski SOGPI* [Scientific Notes of the North Ossetian State Pedagogical Institute]. 1959, vol. XXIV, pp. 87-95.
14. Khetagurov, K.L. *Chernovye varianty poemy "Khetag"* [Rough versions of the poem "Khetag"]. *Nauchnyi arkhiv SOIGSI* [Scientific archive of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. Fund. of K. Khetagurov. Inventory 1. File 1. Cases 6.
15. Sokaeva, D.V. *Sravnitel'no-istoricheskoe izuchenie russkoi i osetinskoi volshebnoi skazki (syuzhet 313 AT SUS)* [Comparative historical study of Russian and Ossetian fairy tales (plot 313 AT SUS)]. Candidate dissertation (in Philology). St. Petersburg, 1999. 171 p.
16. Belinsky, V.G. *Stat'i i retsenzii. 1846-1848* [Articles and Reviews, 1846-1848]. *Polnoe sobranie sochinenii. V 13 t.* [Complete Works. In 13 vols]. Moscow, USSR Academy of sciences, 1956, vol. 10. 474 p.
17. Tuae, D. *Pevets narodnykh dum* [Singer of people's dreams]. *Kosta Khetagurov: Sbornik pamyati velikogo osetinskogo poeta* [Kosta Khetagurov: collection in memory of the great Ossetian poet]. Moscow, Gos. izd-vo khud. lit-ry, 1941, pp. 212-213.
18. Veselovsky, A.N. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Leningrad, Goslitizdat, 1940. 646 p.
19. Salagaeva, Z.M. (comp.). *Osetinskoe narodnoe tvorchestvo. V 2-kh t.* [Ossetian folk art. In 2 vols]. Dzauzdykhau, Ir, 2007, vol. 1. 719 p.; vol. 2. 655 p. (In Ossetian).